

После того, как Линь Мэн закончила свою работу, она поспешила обратно, опасаясь, что над Ся Синчи, который был “робким и слабым”, будут издеваться, если ее не будет рядом.

В результате, как только она вошла, она увидела, как Ся Синчи замахал руками и довольно упрямо отказался от рекламы, собирая свои вещи, чтобы уйти. Он словесно воевал с другими актерами...

Он говорил мало, но каждое слово было драгоценным камнем, и каждый раз, когда он открывал рот, он так злил людей, что они чуть не пытались затеять бандитскую драку.

“Что происходит?”. Линь Мэн была захвачена врасплох этой битвой.

Ся Синчи передал сценарий рекламы, и она поспешно подошла, чтобы просмотреть его.

Только сейчас, когда эти разгневанные люди увидели приближающегося агента, они были полны предвкушения, думая, что наконец-то нашелся кто-то, кто приструнит его.

Посмотрите, как этот невежественный ребенок все еще боролся за жизнь, когда приближалась его гибель.

Атмосфера на мгновение застыла, прежде чем раздался удар! Линь Мэн агрессивно швырнула сценарий на стол!

Под выжидающими взглядами всех, кто думал, что Ся Синчи будут ругать, она сердито сказала: “Ся Синчи, мы уходим! Что за дерьмовый сценарий, не трогай его”.

Все: .....?

Были ли актеры низкого уровня и третьеразрядные агенты такими капризными в наши дни?

Линь Мэн всегда очень заботилась о своих артистах, и такие оскорбления были совершенно запрещены. Естественно, она даже не стала бы рассматривать такой явно оскорбительный сценарий.

Она обнаружила, что Ся Синчи, который раньше был робким и трусливым, наконец-то постоял за себя и больше не будет преклоняться перед другими. Вместо этого она испытывала своего рода счастье, наблюдая, как растет этот ребенок.

Видя, что они оба были такими непреклонными, руководитель проекта не мог не быть ошарашен. Он надолго потерял дар речи, прежде чем произнести с недостаточной уверенностью: “.....Вы нарушаете контракт! Ты можешь уйти, но ты должен возместить ущерб!”

Ся Синчи уже собрал свои вещи, и он был умнее, чем кто-либо другой, когда дело касалось денег: “Разве вы не первые нарушили контракт, случайно изменив сценарий? Не нарушает ли подобный контент закон о рекламе?”

Это попало в самую точку и выявило первопричину неуверенности руководителя проекта.

Даже если бы у этого бренда были инвестиции покровителя Хань Нинью, на самом деле, они не могли изменить содержание рекламы просто так.

Это было не более чем тактикой, чтобы напугать невежественного новичка в круге. Они ждали, пока Ся Синчи склонит голову, извинится и признает свои ошибки, а затем притворялись бы, что меняют все обратно.

Ся Синчи улыбнулся и любезно напомнил: “Вы нарушили контракт, не забудьте позвонить нам для возмещения убытков”.

Руководитель проекта не мог удержаться, чтобы не стиснуть зубы. Издевательства над новичками были обычным явлением, но, судя по ситуации, ему все равно пришлось уступить.

В противном случае, возмещение ущерба было пустяковым делом, но личное влияние на съемку было большим делом, которое он не смог бы объяснить.

Обе стороны оказались в тупике. Затем дверь открылась с грохотом! Это был фирменный громкий способ появления Хань Нинью, и он ворвался внутрь торопливыми шагами.

Его цель была совершенно ясна, как если бы он был базукой в форме человека, нацеленной прямо на Ся Синчи.

Ся Синчи подозрительно наблюдал за ним, гадая, не собирается ли он затеять драку. Придется ли ему переключиться со слов на кулаки?

Как раз в тот момент, когда он готовился перекинуть его через плечо, Хань Нинью быстро схватил возмутительный сценарий, который был отброшен в сторону, а затем нетерпеливо сунул свой собственный сценарий в руки Ся Синчи.

“Геге!” В мгновение ока Хань Нинью превратился в улыбающееся лицо, похожее на цветущую хризантему, и сказав “Геге” смотрел на него.

“Мои глаза не смогли увидеть священную гору Тай![1]Я отдам вам свой сценарий, просто не вспоминайте этого ничтожного человека, господин! Извиняюсь, я был неправ!”

Ся Синчи был ошеломлен этим изменением лица в стиле сычуаньской оперы и не знал, что,

черт возьми, курил этот парень. Было ли это потому, что он был в темных очках и не мог видеть, куда идет, поэтому врезался в стену и повредил свой мозг?

Это было действительно жалко. Во-первых, он не был умен, что действительно добавляло ему проблем.

Включая менеджера проекта, который в данный момент был ошеломлен, независимо от того, был ли это тот, кто любезно убедил Ся Синчи извиниться, или тот, кто насмеялся над ним за самонадеянность, все они были ошарашены, когда стали свидетелями этой сцены.

Рекламный гонорар Ся Синчи составил всего 20 000 юаней, а возмещенный ущерб был рассчитан в соответствии с гонораром за рекламу, так что это было немного.

Видя, как Хань Нинью уговаривает его остаться, возможно ли, что этот человек может потерять все свое семейное состояние?

Если только..... Ся Синчи не был настоящим скрытым боссом.

Те немногие люди, которые не участвовали в насмешках, мгновенно почувствовали облегчение и обменялись взглядами. Те, кто играл приспешников Хань Нинью, по-видимому, очень сожалели.

Ся Синчи слегка наклонил голову — Мир богатых действительно был полон хаоса. Люди меняющие свое отношение за секунду были повсюду в этом кругу.

У него было хорошее предположение относительно того, что происходит, поэтому он идеально воспроизвел ужасающую фальшивую улыбку Ли Чэньюаня и тихо спросил Хань Нинью: “Но разве ты только что не сказал "ты еще запомнишь меня" ранее?”

“Нет, нет, нет! Я просто хотел, чтобы ты помнил, что ты всегда будешь моим другом!”

Когда Хань Нинью подумал, что Ся Синчи был не только молодым хозяином семьи Ся, но и любовником Ли Чэньюаня, ему захотелось дать себе пощечину.

“Как ты там меня назвал? Братом?” (Геге - брат)

Появился еще один навязчивый "брат" в его жизни, как будто Ся Юя ему не хватало.

Став свидетелем этой резкой перемены в поведении, Линь Мэн была больше всех сбита с толку.

Она знала, что Хань Нинъю был хорошо известен тем, что наступал на слабых и льстил сильным, и вся эта сцена казалась какой-то ошибкой. Ее безрадостная карьера внезапно ознаменовалась светлым моментом —

После того, как высокомерный руководитель проекта ответил на телефонный звонок и вернулся, его отношение изменилось ненормально резко. Он снова подал чай и воду и любезно пригласил ее попробовать массажное кресло этой марки.

Она довольно хорошо знала эту индустрию, и работа в качестве масовки никогда не была такой. Чем больше она думала об этом, тем больше ее мучила совесть. Если бы оказалось, что они перепутали человека, это было бы крайне неловко.

Ся Синчи уже отправился на съемки рекламного ролика, так что у него не было выбора, кроме как притворяться спокойным и осведомленным — а затем дожидаться, чтобы поймать этого маленького кролика, когда он вернется, и пытать его, чтобы добиться признания.

- - -

Была почти полночь, когда Ся Синчи закончил рекламу и объявил, что на сегодня хватит.

Он был очень счастлив, когда думал о зарплате в десятки тысяч, которую он получит через несколько часов, и маленький охотник за богатствами начал радостно планировать в своем сердце:

В прошлом он работал на трех или четырех работах одновременно, но теперь у него не было долгов.

Пока он концентрировался на зарабатывании денег в индустрии развлечений и играл роль любовника Ли Чэньюаня, он был бы непомерно богат!

Погодите... Ли Чэньюань?

В середине неторопливого изучения и возни с массажным креслом руки Ся Синчи замерли.

Ему казалось, что он что-то забывает, и в этот момент он, наконец, понял, что не смог вспомнить самого важного человека!

У Ся Синчи всегда не было родственников или друзей, и он совершенно не привык к тому, что его внезапно сопровождают. В сочетании с суетой, вызванной всевозможными комедийными сценами сегодняшнего вечера, вопрос о кормлении большого кота Ли Чэньюаня был просто забыт.

Он поспешил к окну всего за несколько шагов и, дрожа, раздвинул шторы, чтобы взглянуть —

В густой ночи ослепительный "Шелби" все еще был тихо припаркован перед домом, как камень, наблюдающий за мужем.

.....Почему у него вдруг возникла иллюзия, что он безответственный подонок?

Прокричав в мыслях, что теперь он точно труп, он вскочил, как будто его ударило током, и ворвался в раздевалку, вихрем схватил все свои вещи, а затем выбежал вон.

К счастью, все уже разошлось, и никто не заметил, как он бесшумно пробежал 100 метров в темноте.

Он подбежал к передней части машины и прислонился к лобовому стеклу, чтобы заглянуть внутрь: глаза Ли Чэньюаня были закрыты, когда он откинулся на спинку автомобильного сиденья. Во сне его враждебности нигде не было видно, оставалась только тихая и хрупкая красота.

Ся Синчи моргнул, его взгляд подсознательно блуждал между длинными густыми ресницами, высокой переносицей и бледными тонкими губами.

В конце концов, он нечаянно взглянул на привлекательный выступ его горла.

Рука, которой он изначально хотел постучать в дверь машины, на мгновение замерла, а затем он молча опустил ее обратно. Независимо от того, что это был пугающий злодей, его титул "вершина привлекательности" в книге был действительно заслуженным.

Пока Ся Синчи пристально наблюдал, Ли Чэньюань внезапно что-то почувствовал и открыл глаза как раз вовремя, чтобы встретиться взглядом с этим ежиком.

Посреди ночи любой, кто открыл бы глаза и увидел ужасающую сцену с лицом, лежащим на лобовом стекле автомобиля и наблюдающим за ним широко раскрытыми глазами, вероятно, был бы шокирован.

— Но Ли Чэньюань лишь слегка прищурился, когда увидел это, как будто он еще не полностью проснулся. Он был в нехарактерно хорошем настроении, как будто был очень доволен картиной за стеклом —

Уголки его губ слегка приподнялись, когда он увидел лицо Ся Синчи так близко, наконец показав слабую улыбку, как будто он был в середине сна.

Ся Синчи был ошеломлен, и когда он пришел в себя после долгого молчания, он быстро сделал

несколько виноватых шагов назад.

Ли Чэньюань тоже, казалось, понял, что что-то было не так. Его глаза быстро вернули себе спокойное безразличие вместе с небольшим нетерпением, и он поднял руку, давая знак садиться в машину.

— Злодей действительно мог видеть сны?

Ся Синчи задавался вопросом, о ком или о чем он только что мечтал, что могло заставить его так мило улыбаться.

Как раз в тот момент, когда он собирался подойти к пассажирскому сиденью и сесть внутрь, позади него внезапно раздался голос Линь Мэн: “Синчи? Почему ты до сих пор не ушел? На что ты смотришь?”

Было слишком темно, и она не смогла бы никого разглядеть внутри машины, если бы не подошла ближе, поэтому она увидела, что Ся Синчи внимательно и глупо изучает машину в одиночестве.

Ся Синчи внезапно задрожал, как будто кто-то застал его за любовной интрижкой.

Он инстинктивно загородил Линь Мэн обзор переднего сиденья и быстро сменил тему: “Сестра Мэнмен, почему вы до сих пор не ушли?”

Линь Мэн временно отменила такси, которое вызвала. Хотя транспортное средство направлялось сюда, оно все еще находилось в нескольких километрах.

Так что она успела отменить поездку. У нее не было возможности “помучить” его до этого, и у нее не было выбора, кроме как попрощаться с Ся Синчи как ни в чем не бывало. Но теперь, когда вокруг никого не было, она случайно застала его одного.

“Дитя, скажи мне, что произошло сегодня? Ты что-то скрываешь от меня?!”

“Ах—” Ся Синчи виновато издал звук, когда услышал эти слова, и сказал тихим голосом: “Это, это долгая история”.

Он не знал, с чего начать с личности настоящего молодого хозяина и принудительного брака.

Потому что нельзя было сказать, что этот брак был всего лишь соглашением. Как могла Линь Мэн смириться с тем, что кто-то, кроме беременных матерей-одиночек, может захотеть внезапного брака без всякой причины?

Ся Синчи быстро подбирал слова, когда услышал тихий звук открывающейся позади него дверцы машины – все было кончено. Казалось, мистер Денежное дерево устал ждать.

Столкнувшись лицом к лицу с агентом Лин, он еще не придумал, как отговориться от этого, когда босс действительно решил открыто выйти вперед. Губы Ся Синчи дрогнули, когда он не знал, как его лучше представить.

Линь Мэн была поражена, она никак не ожидала, что все это время в машине был человек.

У мужчины была высокая, прямая фигура с широкими плечами и узкой талией. Его ноги были длинными и худощавыми, а рост можно было оценить в 1,9 метра.

В туманной темноте можно было смутно разглядеть его красивое лицо. Это было настолько привлекательно, что он едва походил на реального человека, а цвет его лица был чрезвычайно бледным.....

Подул порыв холодного ветра, и Линь Мэн поежилась. Может ли это быть призрак?!

Затем она увидела, как “призрак” отвернул голову от ветра, прикрыл губы и несколько раз кашлянул.

Ся Синчи услышал, как Ли Чэньюань кашлянул, быстро обернулся и толкнул его: “На улице холодно, ты первый садись в машину”.

В конце концов, он снова не знал, о чем думал этот большой парень, но он просто стоял там неподвижно, как будто решил остаться там и смотреть на него.

Проблема заключалась в том, что он не мог оставить мисс Линь Мэн и просто сесть в машину к Ли Чэньюаню. Перед ним были волки, а позади - тигры, так что у него не было другого выбора, кроме как молиться, чтобы некий безумец внезапно не совершил чего-нибудь возмутительного, например, не похитил его и не ушел на месте.

“Сестра Менмен, это.....” Ся Синчи на мгновение задумался и сказал: “Он мой друг.....”

Прежде чем он смог закончить говорить, он увидел, как Ли Чэньюань слегка нахмурился и снова кашлянул.

Возможно, он все еще просыпался или плохо себя чувствовал, но он не выглядел таким сильным и безразличным, как обычно.

Ся Синчи никогда не видел такой хрупкой стороны его характера, и был мягкосердечным и заботливым с детства, поэтому он сразу же почувствовал огорчение, увидев это.

Не обращая внимания ни на что другое, он быстро повернулся и застегнул ветровку, которая была на Чэньюане.

Но в тот момент, когда он опустил голову, чтобы застегнуть пуговицы Ли Чэньюаня, он не смог увидеть перемену, произошедшую на его лице —

Глядя на него сейчас, где была хоть малейшая уязвимость и болезнь?

Сначала Линь Мэн безучастно наблюдала за этими двумя, но была застигнута врасплох свирепым и ужасающим взглядом Ли Чэньюаня. Огромное чувство подавленности внезапно захлестнуло ее!

Сразу после этого она увидела, как Ли Чэньюань наклонил голову и легонько поцеловал Ся Синчи в лоб, его глаза были полны собственничества.

Это было похоже на то, что он заявлял о своем исключительном праве на него. Очевидно, это был не “друг”, как утверждал Ся Синчи.

[1] Эта идиома означает “неспособность распознать важного человека”.

<http://bllate.org/book/16085/1439012>